

Каменский Е.Г., канд. соц. наук, доц.
Юго-Западный государственный университет

КОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО РИСКОВ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЭКСПЕРТНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ*

kamensky80@mail.ru

В статье представлена эмпирическая верификация теоретического категориального конструкта феномена коррупционной культуры в контексте модернизационных процессов России методом экспертного опроса. Выявлены позиции относительно структуры самого явления, его распространённости, каналов трансляции и иных аспектов социальной онтологии. Определены мотивы коррупционного поведения граждан, их социальные установки в отношении современного имиджа коррупционера.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная культура, экспертный опрос, модернизация.

Введение. Проблема коррупционной культуры в настоящее время не имеет комплексного научного объяснения. В первую очередь, не разработаны категориальные границы данного феномена, не определены непротиворечивые теоретико-методологические подходы к его анализу. Собственно, не представлен должным образом сам понятийный конструкт коррупционной культуры как научной дефиниции.

Для целей нашего исследования мы предполагаем принимать во внимание социологические, в первую очередь институционализирующие и ценностно-нормативные, аспекты содержания культуры как социального феномена, ее системно-структурные и функциональные компоненты, интегративное значение в социальном пространстве.

Тем не менее, мы вынуждены констатировать недостаточную научную проработку системно-институциональных, функциональных, социально-генетических, а главное, концептуальных аспектов изучения феномена коррупционной культуры. Одним из показателей такого рода ситуации выступает метафорический характер [4] понятийного аппарата социальной теории, что может объясняться относительной научно-предметной новизной и высокой латентностью содержания социально-психологической природы коррупции. В частности, крайне низок уровень научного внимания к субъектно-психологическим, интроспективным аспектам коррупционной культуры, категоризируемым нами в понятии коррупционного сознания [1,2].

Для верификации положения о репрезентативности феномена коррупционной культуры, нами было выявлено экспертное мнение о факте ее наличия в современном российском обществе. В опросе принимали участия 50 экспертов, в возрасте от 25 до 65 лет, представляющие управленческие структуры системы высшего образования, академических институтов РАН, административных структур органов МВД и

оперативные сотрудники ОВД.

Основная часть. Как иллюстрируют результаты опроса, лишь 20,0% от общего числа опрошенных не согласны с предложенным утверждением, причем 18,0% из них склоняются к данному мнению, и лишь 2,0% отрицают существование изучаемого феномена уверенно. На фоне 4,0% затруднившихся ответить, утвердительно ответили 76,0% респондентов, 22,0% из которых не сомневаются в своей позиции, 54,0% склоняются признать данный факт.

Для верификации структуры конструкта коррупционной культуры, экспертам было предложено определить, какие элементы можно включить в нее в первую очередь.

Ранговая шкала по результатам исследования выглядит следующим образом. Большинство (48,0%) экспертов включили в содержания феномена коррупционной культуры устойчивые стереотипы коррупционного мышления. Вторую ранговую позицию занимают такие элементы как устойчивые модели коррупционного поведения (28,0%) и коррупционный менталитет населения (26,0%). Третью по распространенности характеристику составляют устойчивые коррупционные ритуалы взаимодействия – 18,0%. Четвертая категория включает в себя криминальные (коррупционные) ценности и нормы взаимодействия с властью и коррупционные мотивы и установки (коррупционное сознание) – по 12,0% соответственно.

Основными каналами трансляции коррупционной культуры эксперты полагают, в первую очередь, распространенность коррупционных форм отношений в основных институтах социализации и жизнедеятельности человека – 44,0%. Вторую ранговую позицию опрошенные отводят неформальным группам общения, трансляции успеха коррупционных сделок в среде повседневности – 34,0%. Третье место по значимости распространения коррупционных ценностей и поведенческих моделей отводится исторической

традиции коррупционных моделей отношений в России вне зависимости от институтов социализации человека (24,0%) и проблемам одобрения коррупционного поведения в семье, наличие такого опыта у членов семьи (22,0%). Роль масс-медиа, по мнению экспертов, в процессах трансляции коррупционной культуры представлена наименее весомо – 12,0%. Также 12,0% опрошенных полагают, что все представленные к оценке позиции равнозначны в механизмах распространения коррупционных ценностей и опыта.

По мнению 50,0% экспертов коррупционная культура является характерной чертой современной российской институциональной системы. При этом, 30,0% из их числа полагают, что, несмотря на это, установки коррупционного поведения не жестко закреплены в сознании субъектов социальных практик, они возникают ситуативно, а 20% экспертов характеризует субъектно-личностный аспект проблемы наличием коррупционного сознания как устойчивой черты мировоззрения.

Несколько меньшее число экспертов (46,0%), на фоне незначительного числа опрошенных (4,0%), затруднившихся ответить на предложенный вопрос, отрицают типичность коррупционных деструкций, представленной коррупционной культурой и коррупционным сознанием, для современной системы социальных институтов, но исходят из различных мотивов и аргументации своей позиции. В частности, 22,0% экспертов полагают, что несмотря на многочисленные факты коррупции в ВО, это не является показателем устойчивых коррупционных деформаций мышления, а продиктовано сложившейся ситуацией. Можно констатировать, что акцентуация на ситуативности установок просматривается в ответах экспертах, наряду с той их категорией, которая согласна с типичностью коррупционной культуры для системы, но также характеризует коррупционное поведение как «случайное». В обоих случаях, согласно приведенным мнениям, детерминация коррупционного поведения находится в экзогенном пространстве, внешней в отношении субъекта коррупционной сделки ситуации, провоцирующей коррупцию. 24,0% экспертов также указывают на ситуативность проявления коррупции, при этом не видят каких-либо значимых различий при ее констатации между институциональными субъектами (сферами деятельности).

Таким образом, можно констатировать определение экспертами приоритетно детерминированными в отношении процессов распространения и типизации коррупционной культуры и коррупционного сознания в институцио-

нальной системе именно экзогенных факторов, то есть констатацию коррупционности среды, провоцирующей ситуативные установки субъектов социальных практик на совершение коррупционных сделок.

Конкретизировать приведенные выше утверждения позволяют мнения экспертов в отношении установления причинности данной ситуации.

Структура и ранговое распределение комплекса внешней причинности выглядит следующим образом:

1. низкое финансирование стратегических несырьевых отраслей по остаточному принципу – 38,0%;

2. имитационные практики управления экономической и социокультурной сферой, кризис власти в стране – 32,0%;

3. коммерциализация социально значимых отраслей социального обеспечения и конституционных прав граждан – 28,0%

4. криминализация всех сфер общественной жизни – 16,0%;

5. «вестернизация» российской жизни, прививка западной культуры – 12,0%.

Затруднились ответить 2,0% опрошенных, не ответили – 22,0%, что составляет значительные 24,0% от общего числа экспертов.

Определить какие конкретно причины, по мнению экспертов, детерминируют жестко закрепленные характеристики институциональной системы как коррупционной, либо определяют ее таковой, но наполнены ситуативно-субъектным содержанием, позволяют результаты опроса, приведенные ниже.

Типизация коррупционной культуры и коррупционного сознания как характеристик институциональной системы, по мнению экспертов, в наибольшей степени определяется таким экзогенным фактором как низкое финансирование стратегических несырьевых отраслей по остаточному принципу – 70,0%. Вторым по значимости фактором выступает криминализация всех сфер общественной жизни, что отмечено 30,0% экспертов и иллюстрирует определенную специфику по сравнению с общими результатами опроса по данному поводу, где ранговое распределение выглядит несколько иначе. Общий кризис правовой культуры и правосознания, тотальная коррупционность общества, коммерциализацию социально значимых отраслей социального обеспечения и конституционных прав граждан, «вестернизация» российской жизни, прививку западной культуры возможно объединить в единый причинный комплекс, объединяющий равнозначные по своему влиянию факторы, на основании присвоенной им экспертами

ранговой позиции – по 20,0% соответственно. Имитационные практики управления экономической и социокультурной сферой, кризис власти в стране по данной позиции отнесены экспертами к наименее значимым причинам жесткого закрепления паттернов коррупционной культуры и коррупционного сознания, при том, что в общей структуре распределения занимали вторую ранговую позицию. Тем не менее, как причина ситуативных установок коррупционного поведения, имитационные практики, согласно результатам экспертного опроса занимают также вторую по значимости позицию – 53,33%, несколько уступая лишь проблемам низкого финансирования стратегических несырьевых отраслей по остаточному принципу, по прежнему занимающей первую позицию по ранговой шкале – 60,0%. В остальном оценка значимости причин по обеим рассматриваемым характеристикам коррупционности общества сходна, за исключением того, что в случае признания ситуативности коррупции, коммерциализация социально значимых отраслей социального обеспечения и конституционных прав граждан признается более значимым фактором (33,33%), нежели в случае оценки тотальной коррупционности институциональной системы общества.

Большинство экспертов (72,0%) полагают, что отказ от коррупционных схем возможен, при этом 48,0% из них утверждают это однозначно, без каких-либо исключений; 24,0% экспертов считают это возможным, хотя и признают, что отказ от коррупционных моделей взаимодействия повлечет определенные «неудобства».

В свою очередь, 22,0% опрошенных говорят о невозможности отказа от коррупционных сделок со стороны основных субъектов социально-профессиональных практик, так как, в ином случае, люди не смогут обеспечить себя материально (10%,0%), и к тому же коррупция – традиция в России (12,0%).

Приведенные выше результаты экспертного опроса предполагают описание мотивационной структуры коррупционного поведения.

Основными мотивами совершения коррупционных сделок отмечены, в первую очередь, компенсация низкого официального дохода (48,0%) и желание обогащения, несмотря на незаконность способов его достижения (44,0%), при этом последняя группа мотивов независима от уровня дохода и профессиональной квалификации, качества уровня знаний субъектов. По нашему мнению, приведенная экспертная позиция иллюстрирует подтверждение выводов о комплексном характере проблемы коррупции, включающей системно детерминации как общего контекста политико-экономического характе-

ра (низкие доходы, компенсируемые через коррупцию), так и социокультурной среды, содержащей устойчивые традиции коррупционного поведения, локализованные в коррупционных характеристиках профессиональной культуры. То есть идентифицируются все три, отмечаемые в теоретическом конструкте коррупционной культуры, ее составляющие: адаптация к аномии среды, коррупционные традиции, коррупционная организационная культура [3]. В частности, на последний структурный блок коррупционной культуры, указывает факт признания третьей по распространенности группы мотивов, основанных на желании обогащения за счет возможности повышать неформальные требования к формальным процедурам – 32,0%. Мотивы так называемой «социальной мести», включающие содержательно стремление к нелегальной материальной компенсации низкого социального статуса в современном обществе, занимают последнюю (четвертую) ранговую позицию и отмечены 12,0% экспертами.

Также показательна экспертная позиция в отношении преобладающего имиджа коррупционера в современной России.

Показательно, что лишь 18,0% экспертов полагают, что в современной России преобладает негативный имидж коррупционера, а сама коррупция порицается в общественном мнении населения. Большинство из опрошенных экспертов (42,0%) отмечают противоречивость социального образа коррупционера в общественном сознании, что объясняется позицией порицания у населения лишь так называемой «крупной», «властной» коррупции и толерантным отношением к иным категориям коррупционеров, вынужденным вовлекаться в коррупционные модели профессиональных отношений. Это подтверждается, в частности, мнением 20,0% экспертов о нейтральности социальной оценки коррупционера, так как существуют объективные причины совершения коррупционных преступлений, опосредованных сложными объективными условиями жизни основной массы населения России, что иллюстрирует контекстуальный характер коррупционной культуры в стране, наличие устойчивых коррупционных традиций. Кроме того, 12,0% опрошенных считают что преобладающим является положительный социальный имидж коррупционеров, так как коррупция воспринимается нормативом поведения в современных условиях, позволяющим преодолеть кризис возможностей материального обеспечения, соответствующим требованиям поддержания достойного уровня жизни, то есть легитимируется.

Преимущество экзогенного фактор-

ного комплекса в процессах детерминации коррупции подтверждают также данные, приведенные далее.

В частности, основным фактором, препятствующим распространению коррупции эксперты считают меры по повышению уровня жизни населения, снижению уровня социальной несправедливости – 52,0% опрошенных. Вторая по уровню актуальности для решения указанной проблемы ранговая позиция распределена между несколькими факторами, отмеченными числом порядка 35,0% от числа опрошенных экспертов, и объединенных на этом основании в единую факторную группу: увеличение финансирования деятельности стратегически важных социальных институтов (образования, здравоохранения, защиты материнства и детства, социальной защиты и других) и повышение уровня правовой культуры населения, укрепление ответственности – по 36,0% соответственно; ужесточение наказаний за коррупцию, например узаконивание провокации взятки в отношении государственных чиновников – 34,0%. Общественное порицание и формирование негативного имиджа коррупционера эффективным средством в профилактике коррупционной преступности считают 22,0% и 18,0% соответственно, что соответствует наименьшей степени актуальности и эффективности, согласно экспертному мнению.

Выводы. В современных российских условиях каждое из направлений модернизации коррупциогенно, то есть содержит потенциал детерминирования реализации коррупционных практик. Кроме того, необходимо выявление собственно рискогенных потенциалов векторов реформирования социальных институтов, где коррупциогенные риски выступают их производными, либо им сопутствующими.

Следовательно, необходим учет и социокультурного контекста и институционального, которые находясь во взаимодействии путем

прямых и опосредованных связей, выступают по отношению друг к другу и объектом влияния и его инициатором. В столь сложноорганизованном пространстве коррупционные факторы также могут рассматриваться в указанных аспектах.

В частности, сама коррупция, коррупционная культура в системе конкретных социальных институтов, так и вне их, может быть рассмотрена и как фактор и как производное влияния определенных тенденций социокультурного развития общественно-политических отношений.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Коррупциогенные риски инновационного развития: социолого-криминологический анализ», проект №13-33-01265.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каменский Е.Г., Месропян А.В. Ценностно-нормативные аспекты феномена коррупционного сознания // Известия ЮЗГУ. 2012. №4 (43). Ч.3. С.197-201.
2. Коррупционное сознание как компонент современного мировоззрения: подходы к социальной диагностике и противодействию на региональном уровне: Монография / А.П. Абрамов, Е.Г. Каменский, Е.И. Боев и др. Курск: ООО АПИИТ «Гиром», 2012. 168 с.
3. Нестик Т.А. Коррупция и культура [Электронный ресурс] // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. №4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html>.
4. Николаева У.Г. Насилие и внешнеэкономическое принуждение: место архаики в современной экономике и социальной практике // Социология власти. 2005. №4. С.81-95.